

УДК 398.221

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРТОВЕДЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ****Дарчиев Анзор Валериевич**

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ), старший научный сотрудник
кандидат исторических наук

dar-anzor@yandex.ru

Дарчиева Светлана Валерьевна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ)
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

svetik-dar70@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается рукописное наследие Е. Г. Пчелиной, посвящённое изучению образа трёхногого коня в осетинской нартиаде. Анализ неопубликованных архивных материалов позволяет проследить происходившие в трактовке Пчелиной изменения, а также выявляет в её аргументации как спорные моменты, так и ценные наблюдения, ведущие к решению поставленного вопроса.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, трёхногий конь, святилище Реком, Сохтинский могильник, гипшокамп, нартовский эпос.

**SOME PROBLEMS OF NARTHOLOGY IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF
E. G. PCHELINA****Anzor V. Darchiev**

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS
(Vladikavkaz)

senior researcher, candidate of historical sciences

dar-anzor@yandex.ru

Svetlana V. Darchieva

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS
(Vladikavkaz)

senior researcher, candidate of historical sciences

svetik-dar70@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the manuscripts by E.G. Pchelina dedicated to the study of the image of the three-legged horse in the Ossetian Nart sagas. An analysis of her previously unpublished archive works makes it possible to trace the changes that took place in Pchelina's interpretation, and reveals both controversial points and valuable observations that help us find a solution of the issue at hand.

Keywords: E. G. Pchelina, the three-legged horse, sanctuary Rekom, ground burial Sokhta, hippocampus, the Nart epic.

В исследованиях выдающегося советского этнографа Евгении Георгиевны Пчелиной важное место занимало изучение материальной и духовной культуры осетинского народа. В настоящей статье мы рассмотрим ту часть осетиноведческих штудий Пчелиной, которая касается образа чудесного трёхногого коня нартовских сказаний. Тщательный анализ относящихся к данной теме материалов Пчелиной способствует более полной реконструкции традиционных религиозно-мифологических представлений осетин, и потому является актуальной исследовательской задачей.

Выступая с докладом на юбилейной сессии Эрмитажа в 1940 году, Пчелина представила обнаруженные ею во время раскопок в Северной и Южной Осетии бронзовые фигурки, изображающие так называемых «гиппокампов», т.е. коней с рыбьими/змеиными хвостами вместо задних ног. Для сопоставления исследовательница привлекла материалы осетинской нартиады и пришла к выводу, что указанные археологические артефакты соответствуют чудесным трёхногим коням, упоминаемым в нартовских сказаниях, и прежде всего трёхному крылатому коню одного из главных персонажей нартиады - небожителя Уастырджи [6, л. 21, 22, 24, 25, 33, 34].

Позднее Пчелина более детально разработала данное сопоставление в статье, опубликованной, к сожалению, лишь после смерти авторов [5, с. 45-48]. Здесь заметны некоторые существенные отличия от доклада 1940 г. Если первоначально Пчелина датировала фибулу из Сохтинского могильника (Южная Осетия) I в. н. э., то теперь находки из святилища Реком (Северная Осетия) и из Сохтинского могильника были отнесены к периоду VI-VII вв. н. э. В наиболее позднем (неопубликованном) варианте статьи Пчелина удалила фрагменты, касающиеся фибулы из Сохтинского могильника, а относительно бронзовой фигурки коня из Рекома признала, что её датировка пока остаётся неясной [7, л. 9-12].

Справедливости ради следует отметить, что мысль о соответствии мифологического гиппокампа (морского коня с рыбьим хвостом вместо задних ног) трёхному коню была высказана задолго до Пчелиной. Немецкий иранист Георг Хюзинг ещё в 1932 г. писал: «Конь Посейдона также является трёхногим гиппокампом, который изображается с двумя передними ногами и змеиным или рыбьим телом» ("Das Roß Poseidaons ist aber auch der dreifüßige Hippokamos, der mit zwei Vorderfüßen und einem Schlangen- oder Fischleibe dargestellt wird") [8, S. 9]. Насколько обоснованным можно считать сопоставление трёхногого коня, принадлежащего Уастырджи с фигурками рыбохвостых коней («гиппокампов»)?

Пчелина отмечает, что трёхногий конь, принадлежащий Уастырджи, также имел рыбий или змеиный хвост, однако не подкрепляет своё утверждение ссылками на

фольклорные источники. Нам не удалось обнаружить тексты, в которых принадлежащий Уастырджи трёхногий конь имел бы рыбий хвост. Кроме того, тексты сказаний неоднократно свидетельствуют о том, что водные глубины неподвластны божественному всаднику: едва ли не во всех вариантах, Дзерасса ускользает от него, нырнув в море [2, с. 19, 32, 40, 44, 47, 53, 65, 70, 74, 80, 86, 92]. В малом цикле сказаний о нарте Маргуце в одном варианте Уастырджи не может переправиться через реку, а в другом – через море, и, когда его вместе с конём едва не унесло течением, на помощь ему пришёл нарт Маргуц [3, с. 525, 532]. Правда, имеются сказания, в которых Уастырджи на коне переплывает море [4, с. 3], но и здесь ничего не говорится о рыбьем или змеином хвосте его коня и ничто не указывает на это даже на уровне тропов: Уастырджи пересекает море, «пльвя, как гусь» («хъязы ленк гæнгæ») [3, с. 535].

Ещё одно положение Пчелиной требует детального рассмотрения. «Вместо эпитета «артæкъахыг», - пишет исследовательница, - в осетинском фольклоре иногда говорится «къуылых» - «хромой», вследствие непонятности для сказителей XIX в. слова «трёхногий». Осмысливая по-своему забытые представления об облике и свойствах «божественного» коня, заключающиеся в этом слове «къуылых», сказители приводят такие детали, которые дают возможность оба эти эпитета свести к одному и тому же понятию о сказочном коне, носившем на себе Уастырджи» [7, л. 3].

Можно ли видеть в эпитете «къуылых» всего лишь непонимание сказителями мотива трёхногости коня? На наш взгляд, данный тезис выглядит не вполне убедительно. Следует отметить, что оба эпитета встречаются в одном и том же сказании применительно к одному коню, т.е. сказитель, называя коня трёхногим, в этом же тексте обозначает его и как хромого коня. Полагаем, что обозначение «хромой» возникло не из-за непонимания трёхногости коня, а именно в силу прямого понимания этой его характеристики и вследствие попытки изображения того, как подобный конь мог бы передвигаться по суше, не имея возможности опираться на одну из конечностей. Но исследовательница, несомненно, права в том, что оба этих эпитета в конечном итоге сводятся к одному и тому же понятию о сказочном коне, принадлежавшем Уастырджи.

Аналогичная ситуация прослеживается и в других фольклорных традициях. В одних и тех же сюжетах чудесных коней настолько часто называют то трёхногими, то хромыми, что исследователи уже давно пришли к выводу о несомненном тождестве хромоты и трёхногости [9, S. 73 f.]. Приведём лишь некоторые примеры. В русской сказке «Сивко-бурко» младший из трёх братьев, Иван-дурак, отправляясь из дома, упрашивает братьев дать ему хоть какую-нибудь лошадь: «Братья не могли отбиться: «Ну, ты возьми, дурак, вон трёхногую кобылёнку!». Прошло время, и Иван-дурак снова собрался в путь и стал просить у братьев лошадь. Те вновь не смогли ему отказать и «велели опять взять хромую кобылёшку». Эта история с уговорами повторилась и в третий раз: «Нет, отбиться не могли, бились, бились, велели взять худую кобылёшку» [1, с. 4, 5]. Как видим, здесь «трёхногая», «хромая» и «худая» выступают как равнозначные характеристики лошади.

Третий эквивалент трёхногой лошади – «худая кобылёшка» - возможно, следует сопоставить с интересным наблюдением Карла фон Шписса. Австрийский этнолог видел отражение мотива конской трёхногости в имени иранского героя Керсаспы, означающем, согласно Шписсу, «тот, кто имеет повреждённую лошадь» (“*der mit dem schadhafte Pferde*”) [16, S. 131]. Более точная этимология этого имени несколько иная: «имеющий худых, тощих лошадей» (“*magere Pferde habend / having lean horses*”) [11, S. 263], и его связь с мифологемой трёхногого коня может вызвать определённые сомнения, тем не менее

полностью исключать её, вероятно, не следует, учитывая идентичность применяемых к лошади определений «трёхногая» и «худая» в приведённой выше русской сказке.

Георг Хюзинг приводит сообщённые ему Эдмундом Кюттлером сведения о том, что «ущербный / худой», трёхногий конь встречается в грузинском фольклоре под именем Раши (сван. Рашу) и это не кто иной, как Рахш, конь Ростама (“Das „schiache“, dreifüßige Roß tritt im Georgischen als *Raši* auf (swan. *Rašū*) und ist der Raḥš, das Ross Rostahms”) [10, S. 38].

Также и в немецком фольклоре персонаж, отчасти, напоминающий Ивана-дурака русских сказок и имеющий столь же непрезентабельное имя-прозвище – Grindkopf «Паршивоголовый», в сюжетах, близких к упомянутой выше русской сказке, также стремится участвовать в бою, охоте, поисках живой воды и т.д., однако получает для этих своих геройских деяний только хромоту («трёхногую») лошадь (“... aber man giebt ihm ein lahmes (“dreibeiniges”) Pferd”) [14, S. 262].

В вопросе о мифологическом значении трёхногого (хромого) коня до сих пор нет единого мнения. Георг Хюзинг попытался включить его в контекст иранского лунарного мифа, но на весьма зыбком основании: усмотрев черты сходства между чудесным трёхногим ослом пехлевийских текстов и Апаошем, дэвом засухи в образе чёрного коня, он экстраполировал на последнего признак трёхногости [9, S. 52 f.], хотя в источниках на это нет никаких указаний. Трактовку Хюзинга поддержал Рольф Нойманн и даже попытался применить её к истолкованию принадлежащего Одину хромого восьминогого коня Слейпнира [12, S. 224], но дальнейшего развития эта гипотеза не получила.

Конь Одина/Водана в немецких легендах выступает не только восьминогим, но и трёхногим, при этом его трёхногость вновь связывается с хромотой или приравнивается к ней. «Его (Одина – А.Д.) трёхногий, т.е. хромой, конь звался Sleipnir, Schleifer, кельт. *slaopairean*» / “Sein dreibeiniges, d.h. lahmes, Pferd hieß Sleipnir, Schleifer, kelt. *slaopairean*” [13, S. 418].

Виктория Прассер также отмечает, что в немецком фольклоре хромающий или трёхногий конь (“das hinkende oder dreibeinige Pferd”) – животное Водана. Исследовательница трактует хромоту как признак териоморфности. Легенды, в которых главный герой не только выступает на трёхногом коне, но и сам оказывается раненым в ногу, т.е. хромым, свидетельствуют о териоморфном характере этого героя и о связи этих легенд с мифологией Водана, который первоначально выступал в образе коня (отождествлялся со своим знаменитым конём Слейпниром). Прассер привела интересные примеры из немецкой этнографии (крестьянские танцы с движениями, имитирующими хромоту, беговые соревнования, в которых последний «должен был привязать к колену пучок соломы и хромать, будто у него подбито колено»), которые, по её мнению, являются остатками ритуалов мужского союза и культа Водана [15, S. 118, 119].

Подведём итог.

Анализ аргументации Е. Г. Пчелиной выявляет ряд спорных моментов, вследствие чего тезис о соответствии нартовского трёхногого коня археологическим артефактам в виде коней с рыбьим/змеиным хвостом нуждается в дальнейшем обосновании. Встречающийся в текстах сказаний мотив хромоты трёхногого коня также не может быть объяснён непониманием осетинскими сказителями XIX в. мотива трёхногости, поскольку «хромой» прослеживается как параллельный эпитет «трёхногого» коня в мифологии и фольклоре многих народов мира.

Несмотря на указанные небесспорные моменты, Пчелиной было предложено первое и весьма оригинальное толкование образа трёхногого коня, давшее импульс и во многом определившее направление дальнейших научных поисков.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-59-07003.

Список литературы

1. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 2. 510 с.
2. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Владикавказ: Иростон, 2003. Кн. 1. 589 с. (На осет. яз.).
3. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. Кн. 5. 766 с. (На осет. яз.).
4. Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания. Владикавказ: Осетинский науч.-исслед. ин-т краеведения, 1925. Вып. I. 123 с.
5. Пчелина Е. Г. *Æртæкъахыг – осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI-VII вв. н. э.)* // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С. 45-48.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 453.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 480.
8. Hüsing G. *Athana – Gorgo* // Bausteine zur Geschichte, Völkerkunde und Mythenkunde. Wien: Gesellschaft Deutsche Bildung, 1932. Bd. 5. S. 1-11.
9. Hüsing G. *Iranische Überlieferung und das arische System*. Leipzig: J.C. Heinrichs, 1909. 248 S.
10. Hüsing G. *Krsaaspa im Schlangenleibe und andere Nachträge zur iranischen Überlieferung*. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1911. 64 S. [Mythologische Bibliothek IV, 2 (Schluß des vierten Bandes)].
11. Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Heidelberg: Carl Winter, 1956. Bd. I. 570 S.
12. Neumann R. *Der zweite Merzeburger Zauber-Spruch. Eine mythologische Untersuchung* // Memnon. Zeitschrift für die Kunst- und Kultur-Geschichte des alten Orients. Leipzig: Rudolf Haupt, 1913. Bd. VI. S. 220-224.
13. Obermüller W. *Deutsch-keltisches, geschichtlich-geographisches Wörterbuch*. Berlin : Denicke [u. a.], 1872. Bd. 2. 1049 S.
14. Panzer F. *Hilde-Gudrun: ein Sagen- und literargeschichtliche Untersuchung*. Halle a. S.: M. Niemeyer, 1901. 451 S.
15. Prasser V. *Die Sage von der Zukunftsschlacht am Baum*. Berlin: Emil Ebering, 1940. 204 S.
16. Spieß K. v. *Reiter und Roß als Gefäß* // Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte. Leipzig: Curt Kabitzsch, 1931. Bd. 23. S. 104-22.

References

1. Russian folk tales by A. N. Afanasyev. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1957. Vol. 2. 510 p.
2. The Nart Sagas: the Epic of the Ossetian People. Vladikavkaz: Iroston, 2003. T. 1. 590 p. (In Ossetian).
3. The Nart Sagas: the Epic of the Ossetian People. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. T. 5. 766 p. (In Ossetian).

4. The Monuments of folk art of Ossetians. The Nart folk tales. Vladikavkaz: Ossetian Research Institute of Local History, 1925. Issue I. 123 p.
5. Pchelina E. G. Ærtæk`akhyg – the ossetian mythological horse (bronze figurines of the 6th-7th centuries A.D.) // New materials on the archeology of the Central Caucasus in antiquity and the Middle Ages. Ordzhonikidze, 1986. P. 45-48.
6. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 1017. Inventory 1. Case 453.
7. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 1017. Inventory 1. Case 480.
8. Hüsing G. Der Mazdahismus. Wien: Gesellschaft Deutsche Bildung, 1935. 82 S. [Bausteine zur Geschichte, Völkerkunde und Mythenkunde. Jahrb. 5].
9. Hüsing G. Iranische Überlieferung und das arische System. Leipzig: J.C. Heinrichs, 1909. 248 S.
10. Hüsing G. Krsaaspa im Schlangenleibe und andere Nachträge zur iranischen Überlieferung. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1911. 64 S. [Mythologische Bibliothek IV, 2 (Schluß des vierten Bandes)].
11. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg: Carl Winter, 1956. Bd. I. 570 S.
12. Neumann R. Der zweite Merzeburger Zauber-Spruch. Eine mythologische Untersuchung // Memnon. Zeitschrift für die Kunst- und Kultur-Geschichte des alten Orients. Leipzig: Rudolf Haupt, 1913. Bd. VI. S. 220-224.
13. Obermüller W. Deutsch-keltisches, geschichtlich-geographisches Wörterbuch. Berlin : Denicke [u. a.], 1872. Bd. 2. 1049 S.
14. Panzer F. Hilde-Gudrun: ein Sagen- und literargeschichtliche Untersuchung. Halle a. S.: M. Niemeyer, 1901. 451 S.
15. Prasser V. Die Sage von der Zukunftsschlacht am Baum. Berlin: Emil Ebering, 1940. 204 S.
16. Spieß K. v. Reiter und Roß als Gefäß // Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte. Leipzig: Curt Kabitzsch, 1931. Bd. 23. S. 104-22.